

Записки «лесника»

Автор:

[Андрей Меркин](#)

Записки «лесника»

Андрей Леонидович Меркин

Звезда футбола

Новая книга Андрея Меркина, полюбившегося многим футбольным болельщикам после выхода своего феерического дебюта «Просто wasy и "Спартак"», который стал для многих культовой книгой. «Записки лесника» – это не только правдивое изложение реалий советской эпохи. Это еще и напоминание всем о том, что без здорового чувства юмора, футбола и «Спартака» в нашей жизни никуда.

Андрей Леонидович Меркин

Записки «лесника»

© Меркин А.Л., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Мой детский фотоальбом

Черно-белые фотографии – едва ли не последний из осколков нашего детства. Дворы, где мы бегали наперегонки, давно уже скукожились: когда-то огромное пространство теперь воспринимается совершенно иначе. Машины, мусорные контейнеры, спешащие прохожие... Все другое, все иначе. Лишь изредка мелькнет тень из прошлого, уловимая, только если не искать взглядом нарочно.

Чем старше мы становимся, тем сильнее любовь к воспоминаниям. Вероятно, это связано с возникновением пауз в некогда бешеном ритме жизни. Когда вам за сорок, жизнь, как правило, уже бежит по рельсам. Дом, работа, семья, друзья, хобби, болезни. Меньше открытий, больше размеренности. Больше времени, чтобы подумать о себе. Или вспомнить – самого себя. Старые фотоальбомы могут помочь здесь больше, чем что-то иное.

Мое поколение, подозреваю, было последним, кого снимали на черно-белые фотокарточки. Одни и те же наряды, один и тот же антураж. Если море, то Крым – Анапа, Евпатория, реже Сочи. Если отдых, то на природе – костер, корзинки с грибами, палатки, байдарки. Если досуг, то пионерлагерь или кружок в Доме пионеров.

Только сейчас, уже в другом времени и в другой стране, понимаешь, что в СССР действительно был построен коммунизм. Для одной категории советских граждан – детей. Те самые кружки, спортивные секции, лагеря, группы продленного дня, детские сады и ясли, библиотеки и все остальное, что с ходу не вспомнить. Где было уютно, весело и бесплатно. И где, кажется, существовали только мальчишки. Лет до четырнадцати точно – до перехода из пионерского измерения в совершенно иную жизнь – комсомольскую.

В моем фотоальбоме, навряд ли существенно отличающемся от сотен таких же, множество смазанных снимков, сделанных неуверенной любительской рукой. Не знаю, что скажут сегодняшним двенадцатилеткам такие слова, как «проявитель», «закрепитель», «увеличитель», «кадрирующая рамка», но были дни, когда для нас они звучали будто музыка. Фотолюбитель – это звучало в рифму с тремя из четырех вышеназванных заклинаний. Фотолюбителями были почти все. Ставя опыты друг на друге, мы потом не знали, что делать с получавшимися неловкими снимками, запихивая их в итоге на последние страницы раздувавшегося альбома.

Снимки всегда делались во дворе и лишь изредка – в квартирах. Дворовая жизнь состояла из футбола летом и футбола вперемешку с хоккеем зимой. Мы позировали сами перед собой в одинаковых кроликовых треухах и обледеневших рейтузах либо в таких же куцых шортах и маечках – в зависимости от времени года. На следующий день фотографии приносились в школу, и изучение их могло стать причиной срыва урока.

Дивный, дивный мир – сказал бы иностранный классик и не ошибся бы.

Это был не только коммунизм, но и сказка. По которой, подозреваю, сегодня тоскуют все те, кто рос в точно таком же обычном советском детстве.

От которого у нас остались старые черно-белые фотографии. Ну и воспоминания, разумеется.

Как каждый порядочный человек, я люблю перечитывать Довлатова. Любая его книга мало того, что талантлива, так еще и удобна: взял не глядя томик из собрания сочинений, открыл как получилось – и с головой ушел в чтение.

Когда я читаю Довлатова, мне кажется, что это и про мою жизнь тоже. Хотя я никогда не был на Колыме или в Нью-Йорке, а Таллин с Пушгорами знаю исключительно как турист.

Но все равно – это мое, кем бы ни был сегодняшний я. Советский Союз оказался настолько неразрывно связан с каждым из нас, тех, кто вырос в нем, что это уже неотделимо. Удивительно, что это совсем не тоска по молодости или каким-то тогдашним радостям. Это нечто другое, необъяснимое. Ощущение странной общности. Причастности к истории каждого твоего сверстника или человека более старшего поколения, прошедшего через точно такие же дни и обстоятельства.

Довлатов умеет вызывать эту щемящую ностальгию лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому, полагаю, он так обожаем. Стабильно обожаем, непреходяще.

У него получилось то, что встречается у Санаева, Горчева, Иванова, Гришковца, но недотягивает до его меры. У них большая литература, а у Довлатова жизнь.

Мне казалось, что Довлатов единственный. Он действительно единственный, но нашелся человек, способный вызвать у меня точно такие же ощущения, что и Сергей Донатович.

Его книга сейчас в ваших руках. Его зовут Андрей Меркин.

Я читал «Записки “лесника”» в рукописи и не мог оторваться. Словно кто-то перенес меня в ту мою жизнь, но меня сегодняшнего, уже накопившего какой-то личный опыт, уже по-взрослому смотрящего на жизнь.

Мы все – люди пишушие. Чем дальше – тем больше. Рассказом о своей жизни вряд ли кого-то можно удивить. Андрей тоже не удивил – он наверняка и не ставил такой задачи.

Он, сам того не представляя, создал машину времени, которая унесла меня навстречу моей памяти. Я думал, что многое помню и многое забыл. Оказалось, я могу многое вспомнить – через почти три десятка лет.

Уверен, с вами произойдет то же самое. Так что спасибо Андрею. Читайте – не пожалеете.

Это ведь и про вас тоже.

Илья Казаков, с мая 2005 по август 2015 – пресс-атташе сборной России по футболу, комментатор телеканалов ВГТРК «Россия» и «Россия 24»

От автора

Моей любимой жене Любе посвящается

После написания первой книги «Просто wasy и “Спартак”» прошло несколько лет.

И, по правде говоря, я уже даже и не думал, что когда-нибудь вновь возьмусь за перо.

Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

Мои хорошие товарищи и друзья буквально уговорили меня написать этот роман.

Роман не о футболе и «Спартаке», однако, видно, такая у меня судьба, что без них никуда. Поэтому некоторые главы посвящены игре миллионов и плотно переплетаются с судьбой автора, и не только его одного.

Книга написана по памяти, без использования справочных материалов или других литературных источников.

Все это – веселое глумление над действительностью, от первого и до последнего слова.

А вам, дорогие друзья, судить – насколько этот труд удался и удался ли вообще.

Часть первая

Сокольники

Первоклашка

Осенью 1964 года я пошел в первый класс. Много-много цветов, добрая старушка-учительница с проседью в волосах. На ней зеленая кофточка на пуговицах.

Выступает директор школы. Директриса уже депутат райсовета, холеная дама с бюстом мадам Грицацуевой. Мне она кажется верховной властью и вершителем

наших маленьких детских судеб.

Одноклассники с мамами и одноклассницы с огромными бантами белого цвета. Банты вплетены прямо в пышные каштановые кудри.

Воздух дрожит от торжественности и партийных славословий. В этой школе я проучился ровно десять лет.

Серое здание эпохи развитого социализма с огромными лестничными пролетами.

Первая любовь, первая подтертая «пара» в дневнике, первая запись: «Завтра в школу с родителями».

Начинали писать перьевыми ручками, их макали прямо в чернильницу. Чернильница в парте – зеленого цвета, под цвет одежды классной руководительницы.

Высунув язык от напряжения, делаю наклон пером в нужную сторону, но буквы пляшут, как в безумном рок-н-ролле.

Зато читаю уже бегло, по крайней мере огромные матерные слова, вырезанные на парте перочинным ножиком моими предшественниками. «Кто тут сидит, того люблю, кладите в парту по рублю». И слово из трех букв. Без него никуда.

Ленин

В школу меня привели папа и мама, как и любого маленького человечка-первоклассника.

Мама была коренная москвичка, женщина строгая и правильная. Именно от нее я получил первые в жизни уроки приличного поведения и хорошего тона.

Папа – человек более мягкий, он и сейчас живет со мной в Берлине, ему уже 92 года.

Родился он в Рыбинске, а в Москву перебрался в начале тридцатых годов совсем еще не оперившимся юнцом.

Я был еще школьником начальных классов, когда папа поведал мне интересную и поучительную историю, которая запала в память.

Середина двадцатых годов, расцвет НЭПа.

Мой дедушка, а он умер еще до войны, работал портным и шил брюки – или штаны, про которые позже Ильф и Петров скажут, что их нет.

Папина сестра перманентно ездила в Москву за тканью, а остальные члены семьи продавали дедушкину продукцию на базаре.

И вот лютой зимой 1924 года, аккурат в конце января, тетя съездила в Москву за очередной порцией ткани. Ее встречают у поезда, папа тоже тут, как самый маленький и почетный член семьи.

– А где же ткань? – спрашивают все.

– Ткани нет, – виновато говорит тетушка, понутив голову.

– Как нет? Ведь столько заказов на штаны!

– В Москве все закрыто. Какой-то Ленин умер...

Немая сцена – в Рыбинске простые люди понятия не имели, кто такой вождь мирового пролетариата.

А директриса нашей школы уже во втором классе нацепила мне на серый мышиный пиджак, цвета крысы Шушеры, маленький октябрятский значок с анфасом вождя мирового пролетариата.

Меня так и перло по наивности выдать депутатше всю правду-матку, но хватило детских мозгов промолчать и выдавить из себя:

– Октябренок – помощник пионеров и комсомольцев.

Хотя за папу было очень обидно. Оставить весь Рыбинск без портков – это было выше моих сил и детского неокрепшего сознания.

Больничка один

Вскоре случилось неприятное событие. Меня положили в больницу на операцию.

Вырезали аденоиды. Родители уговорили меня, хотя боялся я страшно, зато обещали дать мороженое в неограниченном количестве – на это я и купился.

Было очень больно, я кричал, гулкое эхо отдавалось в длинных и серо-сырых больничных коридорах.

Потом, в палате, я первый раз увидел, как мальчика лет десяти вынесли в коридор. Ему неудачно удалили гланды, и кровь пошла горлом.

Мне тоже предстояла эта процедура, но это будет через несколько лет, когда я уже закончу восемь классов. Об этом в романе будет отдельная глава, полная пикантных подробностей и первых отроческих откровений.

Так прошло мое первое знакомство с советской медициной – бесплатной и самой лучшей в мире.

«Черная кошка»

В те времена наш район Сокольники состоял почти сплошь из бараков.

«Система коридорная» – как писал Поэт.

Каменный дом, в котором я жил с родителями, выделялся на этом фоне, как бельмо на глазу. Лишь через несколько лет стали появляться первые хрущевские пятиэтажки. Частенько заходил к своим друзьям-одноклассникам в гости.

Жили все очень бедно, если не сказать – по-нищенски.

И только с годами я понял, почему, когда друзья наносили мне ответный визит, первым делом просили чего-нибудь пожрать. И частенько опустошали холодильник, за что я получал от матушки хороших пиздюлей.

Зато одеты мы все были примерно одинаково. Войлочные полуботинки на зиппере – мышинового цвета, в унисон школьной форме. В кармане брюк – скомканный пионерский галстук. Ну а в другом кармане десять копеек на завтрак и затыренный «бычок» от «Явы».

Но в то же время наша детская жизнь в Сокольниках была очень интересной и насыщенной.

После войны не прошло еще и двадцати лет, и все вокруг напоминало о ней.

Это и безногие инвалиды-колясочники, и попрошайки, которые ходили по квартирам и просили кусочек хлеба «Христа ради».

Это и знаменитая столовка – кафе без названия возле метро «Сокольники», в простонародье – «Черный дрозд».

Многие завсегда и, подливая водяру, еще ту самую, по два восемьдесят семь, прямо в кружки с пенным «Жигулевским», рассказывали про знаменитую банду «Черная кошка».

Культового фильма тогда еще не было и в помине, но тертые мужики с синими мастями по всему телу неспешно и вполголоса вспоминали послевоенное лихолетье.

Редкая семья из нашего класса не имела в своем составе кого-нибудь, кто не чалился сейчас, в прошлом или не присядет в будущем.

Став немного постарше, я столкнулся с этим вплотную, но об этом – в следующих главах романа.

Жвачка и Жопа Сергеевна

В парке «Сокольники» в начале шестидесятых годов Хрущев построил знаменитую международную выставку. И там регулярно, по десять и более раз в году, проходили всевозможные международные форумы и представления.

Путь у нас был простой – шмыг через забор. И вот ты уже возле американского или японского павильона.

Если повезет, то можно было достать шариковую авторучку, жвачку или фирменный пакет с ярким логотипом.

Лощеные немцы и америкосы глядели с изумлением на советских детишек, которые предлагали им серебряные полтинники и рубли выпуска двадцатых годов в обмен на шариковые ручки. Тогда этих монет было навалом почти в каждом семействе. А вот ручка – это был высший шик!

Шариковая ручка в школе выглядела наподобие айфона у первоклассника в наше время. Учителя категорически запрещали ими писать, как и жевать жвачку, носить пестрые пакеты. Это называлось «преклонение перед Западом». Запросто можно было вылететь из пионеров или октябрят. Особенно усердствовала завуч школы по кличке Жопа Сергеевна.

Свое погонялово она получила благодаря огромной, не побоюсь этого слова, необъятной, как слон, жопе.

Однажды старший брат моего товарища, лет двадцати, придя за братом в школу, увидел завуча.

– Вот кого хорошо в жопу ебать! – воскликнул непререкаемый в наших глазах авторитет.

По малолетству мы не поняли истинного смысла этой фразы и были в легком недоумении. Лишь с годами до нас дошла вся глубина мысли и полнота чувств старшего брата.

Словесник и химия

Подбор учителей был типичный для любой советской школы тех лет.

Белые, как лен, неврастенички с фобиями от постоянного недоеда и тихие алкоголики, выпизженные с предыдущих мест работы за профнепригодность. Били учеников линейками прямо по рукам, могли и по морде дать.

Особенно усердствовала мерзкая училка по кличке Кобра Ивановна. Носила очки, как у кобры. От нее доставалось многим, пока один детина-второгодник не зарядил ей в табло. После этого она несколько поутихла, а детину отмазало РОНО, дабы не портить процент успеваемости по району.

Учитель физкультуры и трудовик бухали на пару, а физрук до школы работал... вертухаем на зоне.

Вот такой был контингент, несущий нам – советским детишкам – разумное, доброе, вечное.

Но были и исключения. Учительница первая моя.

Екатерина Васильевна, интеллигентнейший и добрейшей души человек. Мы ее очень любили, и она отвечала нам взаимностью. Была классной руководительницей и вела нас до четвертого класса.

Уже гораздо позже, примерно в восьмом классе, к нам пришел преподаватель русского языка и литературы Федор Михайлович. Уникальный был человек, профессионал высшего класса, знаток и ценитель русской словесности, Учитель и Человек с большой буквы. Именно от Федора Михайловича я почерпнул свои первые опыты письменного и устного творчества.

И кто знает, может быть, благодаря ему вы сейчас читаете это произведение.

Уже сорок лет прошло, а в голове все сидят его наставления-поучения да шутки-прибаутки.

Ходил всегда с «поплавком» на пиджаке и при галстукe.

Уже перед самым окончанием школы пришла химичка Марина Ниловна. Была увлечена, и очень сильно, хоккейным «Спартаком». До оголения, чем мы и пользовались. Если ее «завести», а я это мог, то весь урок проходил в рассказах, как она со Славой (Старшиновым) или Борей (Майоровым) туда-сюда пошла или ходила.

Красавица необыкновенная! Был тайно влюблен...

Ленинград один

Аккурат на День пионерии далекого 1969 года премировали лучших учеников нашей школы поездкой в Питер на поезде, типа культур-мультиур.

Учился я хуево, на троечки, но был капитаном команды КВН, а директриса юмористка была еще та.

Приезжаем в Питер, везде афиши «Зенит» – «Спартак». Пошел слезно отпрашиваться у старенькой Мариванны – да куда там, нельзя – и все!

На счастье, два верзилы-комсюка из 10-го класса, наши, сокольнические, и тоже спартачи, – отмазали и взяли с собой под «честное комсомольское».

Сидим на стадионе им. Кирова за воротами по «детскому» билету, и переростки тоже, ага.

Выиграли 1:0, Коля Осянин в самом конце матча замкнул на дальней штанге, один из его редких голов головой в карьере.

Детины строго наказали – держись нас после матча, но нет. Толпа смела, был биток – тысяч семьдесят, и оказался я где-то в стороне. Пока прочухался, смотрю, надвигаются трое «хулиганов», видно – из местных.

«Цветов» тогда и близко не было, но чувство Паши Эмильевича было развито хорошо.

А фраза тогда была одна:

– Парень! Дай 10 копеек!

Не успел ничего – настучали по ебалу и отняли последние полрубля.

Пока юшку смывал, детины меня нашли – и добавили, для профилактики и улучшения комсомольской отчетности перед Мариванной и директрисой.

Зато по приезде в Москву прям пионер-герой – одноклассникам такой шняги нагнал, типа «героическая битва возле стадиона».

Так начал зарождаться роман с сисястой одноклассницей...

«Палка» и палка

Среди развлечений главное место занимали футбол-хоккей и кино. Однажды на футболе в Лужниках.

Народу больше, чем людей. А в буфете бутерброды с дефицитной в то время сырокопченой колбаской. Люди давятся, бьют друг друга локтями прямо в морду лица и ругаются по матушке.

Кусок хлеба толстый, как девственная плева, а колбаска тоненькая-тоненькая, как советский гандон Баковского завода резиновых изделий.

Пока пробился к буфетчику с глазами по Михаилу Афанасьевичу Булгакову, колбаска-то и кончилась.

Одутловатый торгаш-маргинал явно не собирался начинать новую «палку» колбасы. Рядом крутилось «лицо кавказской национальности», которому колбаску и сбагрили, явно по спекулятивной цене. Тусанулся я поближе к выходу из буфета, и тут «лицо» говорит:

– Малчик, подэрни мешок, пока я завэжу, да-а.

Пока лицо «завязывало», я спиздил «палку» сервелата прямо из мешка и съебался со скоростью олимпийского чемпиона Валерия Борзова.

А вечером после матча взяли с ребятами портвешку в винном на улице Короленко.

И под колбаску все это дело лихо и смачно схомячили в три хари. Но были еще и хоккейные «палки».

Когда обыграли «коней» 1:0 в хоккее во Дворце спорта, то Женя Поладьев, который забросил победную шайбу, кинул «палку» на трибуны, от радости.

Так тогда называлась хоккейная клюшка. Особенно почетным считалось достать клюшку-«палку» фирмы КОНО.

Глядя на игрока сборной СССР, другие спартаковцы тоже стали «кидать палки» на трибуны.

Что тут началось, мамма мия!

Угадайте с трех раз, кто поймал одну «палку»?

Раньше после игр «палку» отдавали в руки лично «блатным», их легко можно было отличить – вальяжная походка за бортиком сквозь мусоров. Ондатровая шапка на голове, задвинутая на затылок, мохеровый шотландский шарф из «Березки». Обязательно этикеткой наружу – предтечей современной гламурно-тусовочной пиздоты.

А сейчас?

Брошенной на трибуну футболкой голову не пробьешь, а «палка» могла реально оставить без мозгов, которых и так было негусто.

Хоккей

Когда весной 1972-го пришел в школу, то не мог понять: а что, мир не перевернулся? Ведь наши проиграли чехам в Праге и впервые на моей памяти не стали чемпионами мира по хоккею.

Но все живы, и даже больше...

Сравнивать сборную Овечкина-Малкина-Ковальчука и ту команду абсолютно нельзя, на сборную СССР по хоккею и вид спорта номер один на Старой площади работал целый сектор ЦК.

Это была действительно «Красная машина», это были феноменальные игроки и великие матчи.

А нынешняя сборная – уже продукт своего времени. Ребята, закаленные в НХЛ, по-спортивному наглые, никого не боящиеся, кладущие на всех спортивный хуй – в хорошем смысле этого слова. Эти ребята – команда, и у нее есть лидеры, целых три. И пока это будет продолжаться, все канадцы и чехи-шведы с американцами будут сосать хуй.

А ваш покорный слуга будет смахивать скупую старческую слезу в далеком Берлине.

Как сказала бы Клеопатра: «Да будет так!»

Нейлоновые рубашки и кепки

Очень интересно было на встречах с футбольной командой «Спартак», что проходили перед началом сезона.

В то время такие встречи проходили регулярно и, как правило, на Восточной трибуне «Лужников».

Заранее давалось объявление в «Советском Спорте», и народу приходило очень много, полная трибуна, тысяч двадцать пять, наверное.

Внизу, на беговой дорожке, ставили что-то вроде президиума – длинный стол и стулья. Микрофон, ну и все причиндалы – графин, стаканы и листы бумаги с карандашами. Желаящие спросить спускались вниз и прямо в микрофон задавали свой вопрос. Николай Петрович Старостин всегда просил представиться, назвать имя и профессию. Он лично вел эти встречи и многих болельщиков знал в лицо и по имени. В основном это были «старички-боровички» из-под табло в «Лужниках». Любил он также дружески пошутить:

– Когда уже ты, Вася, сменишь свою кепку?

На что пенсионного возраста Вася отвечал:

– Я в ней почти на всех играх «Спартака» – на фарт, с 1945 года.

И ехидно просил у Патриарха купить ему новую в случае чемпионства. В завершение дружеского диалога Старостин подытоживал:

– Придется мне тогда тебе свою дарить. – Щегольской «полуаэродром», сшитый по спецзаказу.

Рядом сидели Никита Павлович Симонян и вся команда в полном составе. Но говорили не все игроки, в основном это были Геша Логофет и капитан Гиля Хусаинов, как самые уважаемые и авторитетные члены коллектива.

Руководство и футболисты были одеты с иголки, Гиля и Геша были первыми модниками в команде и одевались очень стильно, с большим вкусом.

Не говоря уже о безупречном главном тренере и начальнике команды. Главной «бомбой» тогда были нейлоновые белые рубашки и узкие, черные, как крыло ворона, галстуки. Все – «мадэ ин не наше».

Затем Николай Петрович представлял новичков команды.

Трибуны очень тепло встречали всех выступающих, особенно когда шли «вопросы из зала». Шутки-прибаутки сыпались как из рога изобилия.

– Ну что же ты, Боря, перепутал футболиста Петрова и доктора Барсукова!

Немудрено, оба были лысые, как колено. И поддатый работяга средних лет, махнув рукой, отдавал микрофон следующему.

Меня, малолетнего, к микрофону не допускали. Зато «старшие товарищи» угощали дефицитным «Жигулевским» прямо из буфета. «Старички-боровички» давали воспитательные подзатыльники, заставляя закусывать бутербродиками со смачной полукопченой колбаской.

Патриарх

Основатель «Спартака» Николай Петрович Старостин – настоящий Патриарх, глыба и личность, заслуживающая отдельного описания.

Во многом под его влиянием формировался великий клуб, а вместе с ним и ваш покорный слуга.

Из огромного вороха литературы про Старостина наиболее интересно пишут Радзинский Эдвард Станиславович и ветераны казахстанского футбола, игроки алма-атинского «Динамо» 1950-х годов Борис Каретников и Иван Гилев.

Главное соперничество в футбольной жизни страны шло между двумя клубами: «Динамо» (клубом НКВД) и «Спартак» (командой профсоюзов). Вся интеллигенция болела за «Спартак». Это была дозволенная фронда...

В дни встреч этих команд на стадионе в правительственной ложе появлялось руководство НКВД. Сначала это был Ягода. Но расстреляли Ягоду, и в ложе стал появляться маленький Ежов. Расстреляют Ежова, и в ложе появится Берия. Все они свирепо болели за команду «Динамо» и ненавидели Николая Старостина – основателя и главу «Спартака».

Старостина знала вся страна.

Наверное, после Сталина и Ленина это была самая знаменитая фамилия. Четыре самых известных футболиста страны – братья Старостины.

Николай Старостин и начал великое противостояние «Спартак» – «Динамо». Он был неистощим на спортивные выдумки.

В 1936 году на Красной площади должен был проходить очередной парад физкультурников. Глава комсомола и организатор этого праздника Александр Косарев задумал во время парада показать футбол – прямо на площади.

Осуществить это поручили «Спартаку», к невероятной ревности поклонников «Динамо». Во время парада по сигналу Косарева по всей Красной площади был раскинут гигантский ковер – изумрудное поле. На поле выскочили спортсмены «Спартака» и начали демонстрировать игру. Косарев стоял рядом со Сталиным, сжимал в руке белый платок. Было условлено: если игра придется не по вкусу хозяину, по отмашке платком следовало немедленно прекратить.

Хозяин не любил футбол. В тот день он с непроницаемым лицом следил за игрой. Но его соратники на Мавзолее сошли с ума от восторга: Ворошилов подпрыгивал и кричал.

20 мая 1942 года Старостин проснулся от яркого света. Пистолет в лицо и крик: «Встать!»

Его вывели, втокнули в машину, отвезли на Лубянку и предъявили показания уже расстрелянного Косарева. Оказывается, глава комсомола на следующем параде физкультурников «готовился ликвидировать руководителей партии и правительства, для чего организовал боевую группу из спортсменов во главе с Николаем Старостиным».

В ту же ночь арестовали и трех его братьев. Все они получают по десять лет лагерей – мягчайший приговор по тем временам.

Николай Петрович, хоть и был старовер, но один раз в жизни попробовал шампанское.

Два года ссылки Старостин провел в Казахстане. Современники Старостина считают, что он был словно бельмо на глазу одиозного министра внутренних дел Лаврентия Берия, опекавшего «Динамо». В Алма-Ату создатель «Спартака» попал в 1950-е годы благодаря усилиям местных спортивных чиновников. Селить его пришлось тоже с ухищрениями.

Николая Петровича поселили там, где сейчас район Тастак. Но тогда, в начале 1950-х, это был не город, а уже Алма-Атинская область. Так вот, Николаю Петровичу разрешили жить только в области. Ему там определили домик, и он там жил.

Там же он и проводил тренировки.

По словам учеников Старостина, он всегда выглядел свежо и был молодым, несмотря на возраст. Старостин упражнения вместе с нами выполнял, мы молодые были, а ему 54 года. Он нам не уступал. Если мы бежали отрезки, он с нами рядом был, рядом все время.

По иронии судьбы Старостин работал в Алма-Ате с командой «Динамо» из ведомства ненавистного Берия.

– Какое у него было питание? Кефир, батон и ливерная колбаса. Он был подтянут, сухощавый. Здорово за собой следил, не опускался.

В 1954 году Старостина реабилитировали, и он мог возвращаться домой, в Москву. И тогда Николай Петрович позволил себе то, чего прежде никогда не делал.

Он пошел купил бутылку шампанского, разлил всем, налил себе полстакана и впервые в жизни выпил. Дал себе слабину.

В то время, когда Старостин заканчивал дела с переоформлением документов, футболисты алма-атинского «Динамо» были на турнире в Джамбуле и жили в вагончике на железнодорожной станции.

Мы узнали, когда шел поезд Алма-Ата – Москва, в котором ехал Николай Петрович. Остановили этот поезд, организовали митинг и на полтора часа задержали весь состав.

Так провожали Николая Петровича Старостина.

Тренеры

Шли годы, менялся «Спартак», его тренеры, но не Старостин. И это чистая правда, а не развесистая клюква, которая расцветает в наших суматошных мозгах.

В детстве довелось-таки посидеть на коленях у Николая Петровича, когда Патриарх писал мне автограф на своей эпохальной книге «Звезды большого футбола». Так и написал – «Андрею Меркину от автора дружески».

Много лет служил «Спартаку» верой и правдой его брат Андрей.

В 1980-е годы, когда у «Спартака» было перманентное «серебро», награждение медалями частенько происходило в кинотеатре «Варшава». Простым болельщикам туда было трудно попасть, но попадали все равно. Андрей Петрович Старостин, редкого юмора и обаяния человек, присутствовал на всех награждениях команды.

Как-то раз пела там Катя Семенова – была такая певица, голосом похожая на Пугачеву. Вышла она поздравлять «Спартак», а сама – в говно. Причем не в легкое говнецо, а в жопу практически. Со сцены уходить не хочет, а петь не может.

Тогда Андрей Петрович вышел на сцену и сказал:

– Певица Катя Семенова настолько возмущена нашими серебряными медалями, что у нее нет слов – одни буквы. Давайте не огорчать ее на будущий год!

В зале овации, все ржут – Старостин галантно раскланялся, и вышел следующий артист.

Не отставал и Николай Петрович.

Братья Стругацкие не были болельщиками «Спартака», но Патриарх дружил с ними и пригласил на награждение золотыми медалями. В шестидесятые годы неоднократно видел их на трибуне на матчах сборной СССР. Говорили, что Аркадий болел за «коней», а Борис до последних дней – за «бомжей».

Столько лет прошло, вот уже и режиссеру Алексею Герману исполнилось семьдесят, из них восемь он снимает фильм «Трудно быть богом» по роману братьев Стругацких. Это мое любимое произведение замечательных авторов.

Но помимо всего они были еще фантасты-юмористы. Вот их поздравительный стишок тридцатилетней давности:

«Ура! И Кубок УЕФА

в руках «Зенита», ЦСКА.

А «Спартаку» желаем мы

любви болельщиков страны».

Пророки? Не знаю...

Никита Павлович Симонян был очень дружелюбен к нам, пацанам, и разрешал подавать мячики в Тарасовке и на Ширяевке. При этом время от времени шутливо спрашивал:

– Много «пар» и «колов» подтерли в дневниках?

Симонян был очень хитер и умен.

Золотое чемпионство 1969 года и стиль игры «Спартака» – ничего общего с командами Бескова и Романцева. Скорее стиль игры «анти-Киев», и именно в лучших матчах против киевского «Динамо».

Никита Павлович был умница и понимал, что с молодой командой против мудрого Маслова нужно играть особенно, что он и придумал.

Первый матч в Москве. Жесткий прессинг, контроль над центром поля, оба гола забиты на контратаках. Осянин и Хусаинов тоже трудились в защите.

Осенью в Киеве. Классика контратак. Гол Осянина в начале матча – и весь матч отбиваемся в обороне. Опять прессинг в центре поля и даже на чужой половине.

Папаев рассказывал, что физически команда отпахала в этих матчах так, что ребята не могли двигаться после этих двух игр.

Именно эти два матча решили судьбу золота. В других играх сезона команда в основном играла первым номером. Но это был не тот спартаковский футбол, который мы увидели десять лет спустя.

Скорее походило на сборную Англии времен ЧМ-66 плюс техничность и, не побоюсь этого слова, гениальность Вити Папаева. Фантастическая работоспособность Гили Хусаинова, сумасшедший по силе и точности удар Коли Осянина.

И защита! Такой защиты у нас я не помню. Команда оборонялась фантастически организованно – Логофет, Иванов, Абрамов, Ловчев.

И лучший вратарь Анзор Кавазашвили – тащил вообще все!

Более похож на команды Бескова и Романцева был «Спартак» 1974 года при Николае Алексеевиче Гуляеве. Техничный и комбинационный футбол со стенками и забеганиями.

Классика жанра – посаженные на жопу хохлы в «Лужниках». Великая игра! С эстетической точки зрения – самая красивая командная игра «Спартака». Конфетка.

Однако до золота недотянули...

Гуляев был строг, но справедлив. Мог вынести контрамарку нам, сопливым говнюкам, как, например, на знаковый матч с Киевом.

Константин Иванович всегда интеллигентно и дружелюбно разговаривал с болельщиками, особенно со «старичками-боровичками». Отпускал шутки-прибаутки, типа своей эпохальной в адрес литератора Хукела:

- Ничего, что я в костюме и при галстукe?

В конце 1970-х годов судьба свела близко с Олегом Ивановичем Романцевым, одно время даже дружили семьями, особенно жены. Потом он переехал на Преображенку и как-то все затерялось.

Очень непростой и неоднозначный человек, не красно-белый, а скорее так: черно-белый.

После продажи клуба Червиченко мое и без того отрицательное отношение к Романцеву стало еще хуже.

Но прошли годы, и жизнь плавно привела меня к тому, о чем писал старик Фрейд, – к переоценке ценностей. Без этого невозможна жизнь, кто этого не делает хотя бы раз в пять-десять лет, тот не достигает в жизни ничего. Так что к шестидесяти годам смотришь на жизнь по-другому. Я лично Олегу Ивановичу все простил, причем независимо от результатов «Спартака». Как сказал Господь в Нагорной проповеди: «Прощайте и прощены будете».

Что тут еще добавить, даже не знаю...

Ненавидимый многими Старков мог по телефону подробно и долго объяснять мне – а я никто и звать меня никак, – как найти поле в Голландии и во сколько будет матч.

Балагур и весельчак Черчесов после матча в Европе на корректный и вежливый вопрос одного немолодого и уважаемого болелы ответил:

– Соблюдайте субординацию, все вопросы в установленном порядке через пресс-атташе.

Забыл, что «Спартак» – это субкультура.

Про довоенный «золотой дубль» старички-боровички рассказывали, что «Спартак» играл в скоростно-силовой и жесткой манере плюс вратарь Жмельков, который ловил все что можно и нельзя.

Так что столь любимая нами «спартаковская игра» была не всегда такой, какой мы ее себе представляем. И выглядела она совсем по-разному.

«Все течет, все изменяется».

Аксиома.

«Фантомас»

Примерно в середине шестидесятых годов произошло одно событие, которое оставило широкий след в наших юных и неокрепших душах.

На экраны страны вышел в момент ставший культовым фильм «Фантомас».

Причем долбоебы из кинопроката сперва выпустили вторую серию «Фантомас разбушевался», а потом первую – собственно «Фантомас», и только после этого третью «Фантомас против Скотланд-Ярда».

Со всех афиш всех кинотеатров Москвы и России сияла зловещая и зеленая морда неуловимого разбойника Фантомаса, красавицы Милен Демонжо, гламурного (тогда еще не было этого слова, но мы догадывались) Жана Марэ, смешного до коллик в животе Луи де Фюнеса.

Возле нашего дома в клубе имени Русакова стояли огромные очереди, люди часами пробивались к заветной кассе, чтобы купить билет. Услужливые барыги

тут же, не отходя от кассы, предлагали билеты по три рубля.

Каждую из серий мы смотрели по многу раз, а потом, на переменах и не только, в школе и подъездах домов писали мелом, спизженным у доски, латинскую букву «F» с маленьким, подчеркнутым снизу кружком. Особенной доблестью считалось позвонить куда-нибудь из телефона-автомата и загробным голосом сказать:

– Внимание! Через несколько минут вас посетит Фантомас.

Споры и зарубы по фильму шли до кровянки, количество серий якобы варьировалось от семи до десяти, а сам Фантомас оказывался то королем Франции, то роботом с электронным мозгом.

А самая-самая первая серия вообще называлась «Труп в зеленом чемодане».

Только много лет спустя я узнал, что серий так и было всего лишь три, а сборы за прокат фильма перекрыли все мыслимые и немыслимые рекорды и не побиты до сих пор.

Ну а друзья-одноклассники самым наглым образом подсовывали в ранец записку с жутким содержанием, написанную измененным почерком:

«Мне нужен труп, я выбрал Вас. До скорой встречи, Фантомас».

Футбольные сборные разных лет

В свое время удалось общаться с великим спартаковцем Павлом Александровичем Канунниковым.

Оказалось, что он был дружен с великим Василием Бутусовым, который забил первый гол в истории сборной России.

Конечно, я не удержался и спросил про игру с немцами, которую те выиграли на Олимпиаде в Стокгольме в 1912 году со счетом 16:0.

– Играли с финнами 30 июня и слили 1:2, а уже на другой день – утешительная игра с немцами.

В Швеции уже тогда были проблемы с бухлом, но наши ребята предусмотрительно запаслись из России.

Думаете, тогда меньше пили? А вот уж хуй!..

Вечером после матча все игроки сборной банально нажрались в жопу, ходили по полю в матче против немцев с глубокого бодуна.

Ничего не напоминает?

У немцев снят фильм с названием «Уэмбли Топ», он им до сих пор не дает покоя. Фильм, от интервью с вдовой судьи матча Готфрида Динста до рассказа сына Тофика Бахрамова, пронизан мотивом: гола не было. Бахрамов сказал сыну перед смертью:

– Гола не было. – И почил в бозе.

Игру помню очень хорошо, смотрел по телевизору в пионерском лагере, да и немцы повторяют не реже раза в год.

По моему мнению, никакого гола не было, но выкрутить можно все что угодно.

Еще более отчетливо стоит перед глазами матч на стадионе «Ацтека» с Уругваем, мяч был почти на линии, но наши дружно подняли руки. Голландский судья показал, что надо продолжать играть.

А уругваец, который недавно вышел на замену, головой забил мяч практически в пустые ворота за несколько минут до конца дополнительного времени. Он не видел, что наши игроки подняли руки, причем почти все!

Интеллигентнейший Гавриил Дмитриевич Качалин после этой игры первый раз в жизни повысил голос на игроков, он понимал, что это был его последний шанс попасть в призеры чемпионата мира.

Уже много лет спустя Анзор Амберкович Кавазашвили рассказывал, что виноваты сами и он лично тоже – надо было отрабатывать момент до конца.

Геша Логофет и Коля Киселев с большой неохотой, но тоже подтвердили это. Хотя у нас пытались во всем обвинить «армейскую» защиту.

Вот такие разные футбольные сборные.

Будапешт один

Весной 1968 года папа взял меня на игру с венграми.

Довелось побывать на лучшем, по мнению специалистов, матче сборной СССР.

После поражения 0:2 на «Непштадионе» через неделю играли ответный матч в «Луже».

Сказать, что обстановка была накалена, – значит не сказать ничего.

В мае того года я уже в полный рост слушал «Немецкую волну», «Голос Америки», «Радио Свобода».

Голоса вещали, что в Венгрии после первого матча люди стихийно вышли на улицы и радостно праздновали всей страной победу над ненавистными Советами.

Немудрено – после кровавого путча 1956 года прошло всего 12 лет, и венгры все очень хорошо помнили.

Победа была нужна – 3:0.

Мало кто в нее верил, но ажиотаж с билетами был такой, что папа только каким-то чудом через партком или местком достал два билета на Западную трибуну.

Билет был очень интересный, через все поле шла огромная красная надпись: «11 мая».

Разговору в Москве только и было, что про игру, – везде, даже в длинных очередях за квасом, в школьной раздевалке перед уроком физкультуры.

Вышли на «Спортивной».

Метро было заполнено, буквально шагу ступить невозможно. Люди очень медленно передвигались в сторону эскалатора.

Тогда впервые в жизни увидел, как работают «щипачи». Два коротких движения рукой – и рыжие «бочата» плавно соскакивают в подставленную ладонь.

На трибуне яблоку негде упасть, наши места чуть сбоку от правительственной ложи. Все говорят, что генсек Брежнев тоже на игре.

Наши в красно-белой форме, венгры – во всем белом.

У них в составе такие звезды, как Фаркаш и лучший футболист Европы 1967 года Флориан Альберт.

Сначала автогол, затем штрафной Муртаза Хурцилавы, и, наконец, ныне Анатолий Федорович, а тогда просто Толик Бышовец, замыкает на дальней штанге, как Валера Карпин на «Стад де Франс» тридцать лет спустя.

Наши всю игру буквально не давали продохнуть венграм, просто смяли их, настолько быстро и мощно сыграла сборная СССР.

Игра окончилась в девять вечера, было уже темно. И тут вместе с традиционным «Молодцы!» на стадионе одновременно зажглись тысячи и тысячи факелов из горящих газет. Менты стояли как зачарованные, никто эти факелы не тушил. Люди вокруг радовались, обнимались, братались, целовались.

В то время сиденьями в «Луже» были сплошные деревянные лавки, и все брали с собой газеты под жопу, вне зависимости от времени года. К вечеру, кроме «Правды», никаких других газет в киосках не было. И подавляющее большинство с особой радостью и остервенением жгло печатный орган ЦК КПСС. Так и возникли эти стихийные факелы. Ни до, ни после ничего подобного не видел ни на одном стадионе мира.

Кстати, игру эту судил Ченчер из ФРГ – это он потом бросал монетку в Неаполе в том же году летом. Об этом напишу ниже, как и о том, как я провел дни в Будапеште 20 лет спустя и что из этого вышло.

Настоящая правда про жребий и монетку

История со жребием и монеткой окутана тайной, но настало время пролить свет на эту историю и поставить все точки над «і».

Жаркий июнь того же года, Италия, Неаполь.

Игру показывали по Центральному телевидению, и смотрел я ее в пионерском лагере.

Дело было в будний день, если мне не изменяет память, и прямая трансляция началась поздно вечером.

После ужина дружным строем наш четвертый отряд повели в пионерскую комнату, где, в виде исключения, было разрешено смотреть матч и после отбоя.

Наша сборная вышла на поле во всем белом, репортаж вел, как всегда, Николай Николаевич Озеров.

Игра закончилась безрезультатно, настало время бросать жребий. Итак. Что же произошло на самом деле.

Оба капитана команд – Шестернев и Факетти – уже умерли, правду они нам сказать не могут. Зато жив главный герой – немецкий судья Курт Ченчер.

Три года назад вышло сенсационное интервью, которое он дал авторитетной газете «Тагесшпигель». Посвящено оно было сорокалетию матча и монетке и называется «Первую попытку выиграла русские».

Вот его рассказ.

«Русские доминировали весь матч и должны были выигрывать еще в основное время. Монетку бросали в судейской, капитаны команд ждали за дверью. В судейской, помимо меня и ассистентов, присутствовали президенты национальных федераций – Гранаткин и Франки. Оба в то время были сверхавторитетны. Гранаткин был первым вице-президентом ФИФА, а Франки – президентом УЕФА. (Время двухвольных папиков еще не наступило, поэтому все было по чесноку).

Гранаткин спросил:

– Жеребиться будем вашей монеткой?

– Да.

У меня с собой была тяжелая турецкая монетка без номинала. На одной стороне был нарисован мяч, на другой футбольные ворота.

– А разве это не была десятифранковая монетка?

Нет. Это была моя личная футбольная монетка, ее я использовал в играх Бундеслиги и матчах сборных. Ее мне подарил один турецкий футбольный судья. Таким образом, выбирались не орел или решка, а мяч или ворота. Но сначала был пробный жребий.

– ?

Да, об этом попросил Гранаткин, понятия не имею зачем. Франки согласился.

Всю процедуру я всегда проделывал одинаково. Я подбрасывал монетку правой рукой вверх, а левой накрывал ее на правой ладони. Так было и в тот раз.

Гранаткин выбрал мяч... и выиграл.

- Но затем был решающий жребий?

Гранаткин с ухмылкой предложил на этот раз уже Франки выбирать. Тот выбрал ворота... и выиграл.

Тут же это было зафиксировано в протоколе. На все про все ушло десять минут.

Затем капитаны команд объявили итог жребия болельщикам на стадионе.

- Как реагировали президенты?

Франки ушел плясать и радоваться с игроками, а Гранаткин с мертвым лицом предложил мне тут же переиграть и немедленно ввести правило пробития послематчевых пенальти. Он так хотел, но тогда это было нереально, и правило вошло в силу только через два года».

Вот так все было на самом деле. Так что ни Факетти, ни Шестернев тут ни при чем.

Гранаткин был просто нефартовым в отличие от Франки – вот и все. Все очень банально и просто, как всегда.

Брежнев и Косыгин

Родители папы умерли еще до войны, даже мама их не видела.

А вот мамы дедушка и бабушка почти всю жизнь, с начала двадцатых, прожили на улице Горького, рядом с магазином «Океан».

Частенько бабуля выводила меня погулять во дворик, который выходил аккурат на черный ход главного рыбного магазина страны.

Фельдмана тогда еще не расстреляли, до знаменитого «дела рыбаков» оставалось много лет. А вот крали тогда не меньше, чем теперь, а может даже, и больше. Аксиома.

Во время разгрузки товара грузчики постоянно что-то пиздили, несмотря на бдительное око дежурного замдиректора Якова Ароновича. Стоило ему чуть отойти или отвернуться, как небольшая упаковка в пять-шесть банок черной или красной икорки, а то и осетрового балыка отлетала в сторону, как ядро, метров на двадцать. А там уже «гуляла» моя бабушка и накрывала этот ящик своей многоступенчатой, как корабль «Восток», юбкой. Через час-другой грузчики звонили в дверь коммуналки, бабушка проводила их в комнату и отдавала упаковку. Грузчики всегда оставляли баночку «дефицита» на чай.

В этом же доме жило много генералов, адмиралов, замминистра. Через дорогу был знаменитый «Елисейский» гастроном. В квартире одного знаменитого генерала я побывал много лет спустя. И даже познакомился с директором «Елисейского» Соколовым. Об этом будет в одной из следующих глав.

Бабушка была очень дружна со знаменитой актрисой цыганского театра «Ромэн» Лялей Черной. Однажды, когда я был в гостях, она подписала мне открытку со своей фотографией, а бабушка уговорила ее погадать мне по руке.

Как и любая цыганка, Ляля Черная умела предсказывать, но как большая актриса этим не занималась. Однако бабушке отказать не смогла. Все, что она мне нагадала, с пронзительной точностью исполнялось до сего времени, и, надеюсь, исполнится в дальнейшем.

Одно время дедушка работал в Министерстве легкой промышленности СССР вместе с будущим председателем Совмина Косыгиным. Много рассказывал про Алексея Николаевича, тот был любитель МХАТа, а дедушка дружил с Петкером и Прудкиным. Косыгин не пропускал театральных премьер и часто оставлял дедушку после совещаний, они вместе обсуждали игру великих мхатовских актеров и актрис.

Незадолго до смерти дедушка и бабушка переехали в Сокольники, дедушка написал письмо Косыгину, и тот дал команду выделить квартиру. Пожить им там довелось недолго: пока я служил в армии, дедушка с бабушкой умерли.

В декабре 1980 года скончался и Алексей Николаевич Косыгин. Как часто бывает в жизни – смешное и трагическое рядом.

В день его похорон во Дворце спорта «Химик» играл со «Спартаком». Вместо традиционного клича – «Что за лапоть деревенский – это «Химик» воскресенский» после игры орали:

– Сосиски сраные!!!

«Спартак» выиграл, Леонид Ильич сидел в ложе и курил свои любимые сигареты «Новость», которые ему делали по спецзаказу, набивая отборным табачком. Приехал он прямо от Кремлевской стены, с речью у него уже тогда была беда. Чуть ранее в этот же день он на весь мир вещал свою историческую фразу:

– Куба, ГДР, Польша и другие сосиски сраны скорбят о смерти товарища Косыгина.

Коню понятно, что Брежнев хотел сказать «социалистические страны», но мы ржали и глумились – и кричали на всю ивановскую про «сраные сосиски».

Генсек был человек с юмором, по-доброму ухмыльнулся и погрозил нам пальцем с высоты правительственной ложи.

Вскоре по Москве пошел гулять анекдот про извинения работников Микояновского мясокомбината перед генсеком за выпуск «сранных сосисок».

А ноги-то росли с хоккейного матча!

Не могу не дополнить, для «форсу бандитского», как говаривал Жеглов, про столь любимые мною – надеюсь, я не одинок – сиськи.

Брежнев частенько вместо «систематически» говорил «сиськи-масиськи». Поэтому развеселые подруги хохмили:

– У нас сиськи – не масиськи: с лошадиные пиписьки!

Так что, говоря о сиськах, мы невольно отдаем дань памяти Леониду Ильичу.

Орехов и Зуев

Самое первое телевизионное событие, которое помню, – это похороны Кеннеди.

Центральное телевидение СССР впервые в истории организовало прямую трансляцию из США, и мы смотрели эти похороны в прямом эфире. Хрущев шел в процессии за гробом американского президента, и мне показалось, что наш генсек был очень расстроенным и печальным.

А примерно за год до этого, в августе 1962 года, «сарафанное радио» разнесло по Москве невероятный слух: в «Лужниках» – финал Кубка СССР по футболу, «Шахтер» (Донецк) – «Знамя Труда» из Орехова-Зуева.

Забив два быстрых гола в начале игры, горняки выиграли почетный трофей.

Команда из Орехова-Зуева была непростая: один из старейших клубов России основан в 1909 году английскими работягами, работавшими на мануфактуре Морозова. В том сезоне команда катком прошла по сетке Кубка, выбила московский «Спартак» и лишила возможности команду Симоняна сделать золотой дубль. Но самое главное началось после финала.

На матч приехало несколько десятков тысяч болельщиков клуба «Знамя Труда».

Точного количества не знал никто, но говорили о примерной цифре в 50–60 тысяч человек. Надо ли говорить, что по большей части это были разнузданные и практически в жопу пьяные люмпен-пролетарии?

В те годы пиво в «Луже» было в свободной продаже, а водяру несли на матч в таких количествах, что ближайшие пункты приема стеклотары перевыполняли план на месяц вперед.

И вот после матча эта огромная толпа работяг-экстремистов ринулась на Красную площадь. Как их туда пропустили менты, да еще и в таком количестве, – загадка. И откуда у них взялись пузырьки с чернилами, которые они стали дружно метать в Мавзолей дедушки Ленина, – история об этом умалчивает.

Учинив на главной площади страны страшный погром, болельщики рассеялись по городу, а часть вернулась на автобусах в Орехово-Зуево, откуда они благополучно прибыли в день игры.

Говорят, что Мавзолей закрыли на реконструкцию на несколько дней, а мусорское начальство оказалось просто не готово к такому повороту событий.

Но самое интересное, что интернет об этих событиях молчит, как партизан, – и «Гугл», и «Яндекс», и «Рамблер».

А вот «старички-боровички» из-под табло в «Луже» красочно описывали этот незабываемый день во всех подробностях, а 11 августа каждого года отмечали как красный день календаря. Они называли этот день «Днем экстремиста». Отмечали тройными и ударными дозами водки, пива, воблы и крупными кусками нарезанной колбасы «Докторская». Причем с каждым годом события у них обрастали новыми подробностями, вплоть до того, что сам Никита Сергеевич выходил успокаивать разъяренную толпу и обещал разобраться с продажными судьями и недружелюбными горняками.

А два брата-погодка лет шестидесяти, из тех, что могли еще запросто сказать Старостину: «Эй, Коля, когда же играть-то будем, а?» – даже получили в честь этого события погонялова – Орехов и Зуев. Уж больно сильно они напивались в тот день, 11 августа, причем из года в год, хотя и не в этот день тоже...

Много лет спустя я тоже стал экстремистом. Экстремизм был всегда.

Например – матч с «Динамо» (Киев), в мой день рождения.

Закрытие Всемирной универсиады в Москве 25 августа 1973 года. «Спартак» победил, что тут началось!

После игры было перевернуто несколько машин и газетных киосков, толпа рыл в семьсот прошла гребнем по направлению к Комсомольскому проспекту. Зажженные из газет факелы бросали во все стороны, возникали легкие локальные пожары.

Стычки с мусарней повсеместно. Драки и мордобой. И это было при Брежневe, в годы застоя! Об этом не писали и не могли писать ни в какой прессе.

Тогда мне это очень нравилось, с удовольствием принимал в этом участие. Не жалею ничуть!

«Всякому овощу – свое время».

Всегда были и будут люди, которые осуждают или оправдывают это. Жизнь – переоценка ценностей, как говаривал старина Фрейд. Экстремизм был всегда, Орехов и Зуев это очень четко понимали.

Аксиома.

Магомаев один

У родителей были чудесные друзья. Семейная пара врачей-стоматологов. Мы часто бывали у них в гостях, а те были очень дружны с Муслимом Магомаевым. И частенько уговаривали Муслима Магометовича сесть за семейный рояль.

Я замороженно слушал «Вдоль по Питерской», популярность его тогда была безгранична. А дома хранил в качестве реликвии обложку от пластинки с автографом Большого Певца и Композитора.

Однажды Магомаев помог мне попасть на хоккей. Ну как помог...

Октябрь 1970 года, второй финальный матч за Кубок европейских чемпионов по хоккею, ЦСКА – «Спартак» (Москва). Первый матч «Спартак» выиграл, все решала вторая игра.

Ажиотаж на этот матч во Дворце спорта «Лужников» был страшный. На игру накануне мы каким-то чудом попали, а на вторую билеты достать было практически невозможно.

В левом крыле Большой спортивной арены была специальная касса, где продавали билеты по брони ЦК партии, МГК КПСС и прочих КГБ СССР. Там сидела кассирша с добрым лицом Эльзы Кох и прической Людмилы Зыкиной. Перед ней был список с фамилиями всех этих лиц гражданской наружности. Подходит солидный дядя в норковой шапке и с мохеровым шарфом наперевес, говорит фамилию и до кучи тычет красную, как кровь невинного младенца, съеденного Олегом Ивановичем Романцевым, ксиву в узкое окно-амбразуру. Тетя ведет наманикюренным пальцем по списку и с остервенелым чувством глубокого удовлетворения вычеркивает фамилию Задрищенко.

Про эту кассу знали многие, но как там взять билет?

Аккурат за час до игры подходим с другом к кассе и начинаем давить косяка в сторону вожделенного списка. Но фамилий не видно, да и ксивами еще не обзавелись по малолетству. На хоккей хочется попасть так, что сверлит аж в поджелудочной железе и сводит палец на левой ноге, как при виде красавицы Милен Демонжо в легендарном фильме «Фантомас».

Друг толкает меня прямо на амбразуру кассы и шепчет в ухо:

- Ты же похож на Магомаева - соври чего-нибудь!

- Дайте два билета на фамилию Магомаев, - отмороженно говорю я прямо в прическу тети Эльзы.

- Такой фамилии нет. А ты вообще кто такой? Хулиган?

Лицо фрау Кох принимает неприятный коричневый оттенок и сереет, как шинель мусора, дежурившего у кассы.

- Я - племянник Магомаева!!!

- Похож... и правда. А документы у тебя есть?

– Да мы же еще школьники, тетя!

– Ну ладно... мой любимый певец, повезло вам... Тут один товарищ звонил, что не придет, – отдам я тебе два его билета. – Лицо кассирши в минуту становится похожим на Софи Лорен.

Мусор заглядывает к нам через плечо, но, сгрузив последнюю пятерку дрожащими от радости руками, мы уже бежим в сторону Дворца спорта.

Надо еще успеть попить пивка...

Магомаев два

Неуловимое сходство с великим певцом еще сослужило мне добрую службу. Перемахнув на десяток лет вперед, мы окажемся в предолимпийской Москве, дорогой читатель.

Жизнь свела меня с одной компанией, это были приемщики багажа с Казанского вокзала. Здоровые мужики старше меня лет на десять. Не мог понять, почему все ребята на машинах и при деньгах. Однажды они ввели меня в курс дела. На камере хранения огромная табличка «Мест нет». Рядом очередь, которая ждет, когда они, эти места, появятся.

– Ой, сыночек, прими у меня чумудан, а то совсем тяжело...

– Ты чего, мать, не понимаешь? Мест нет и не будет! – говорит дюжее мурло и скрывается в окошке.

На самом деле мест для багажа до хуя и больше, вот только приемщики не хотят ничего принимать. Они ждут, когда им сунут пятерку или трешку. Утомленные и измученные командировочные и просто колхозники не выдерживали и давали на лапу.

Приемщиков багажа прикрывало начальство, вокзальные менты, районные обэхаэсэсники. Все имели с этого неплохую долю. Такие были времена.

Сошлись мы с одним парнем, он был внешне похож на очень популярного тогда Боярского, но гораздо здоровее и плотнее. За это и получил кличку Малыш.

Так вот, с Малышом мы частенько вечером заезжали на Калининский проспект снять телок в одном из многочисленных кабаков. Когда мы заходили в ресторан, то после знакомства Малыш или я как бы невзначай говорили:

- Во сколько завтра съемка на «Мосфильме»?

Возникал неподдельный интерес. И тут на-гора выдавалась сакраментальная информация: Малыш – дублер и каскадер Боярского, а я – племянник Магомаева. После такого фееричного ангажемента телки падали к нам в руки, как плоды перезревшей антоновки.

Легко и непринужденно, на ходу снимая трусы и бюстгалтеры.

Любой приличной девушке хотелось хоть на короткое время почувствовать себя немножко Магомаевой или Боярской.

СМЕРШ

В нашей семье всегда происходили удивительные встречи и знакомства.

Когда папу летом 1941 года забрали на фронт, то он провоевал около полугода, затем был тяжело ранен, а после медсанбата попал в Наркомат боеприпасов. И сразу в личное распоряжение наркома Горемыкина Петра Николаевича.

До войны папа работал в Наркомате путей сообщения и занимался как раз железнодорожными перевозками вооружения и боеприпасов. И даже несколько раз был «десятым подающим» на докладе у лютого наркома Кагановича. Тогда считалось нормальным делом выйти из его кабинета с мокрыми штанами. У Лазаря Моисеевича была под столом специальная кнопка. Если он ее нажимал, тут же приходили «сотрудники органов», и ты навсегда исчезал в подвалах Лубянки с клеймом «враг народа» и «саботажник».

В альтернативном и лучшем случае Железный Нарком мог переебать по хребту или морде лица тяжелым, как моя жизнь, «Личным делом сотрудника» в коленкоровом заскорюзлом переплете с железными уголками. Или запустить в голову докладчика мраморным пресс-папье; надо было успеть увернуться – иначе ты калека или покойник.

После фронта и опыта работы в наркомате папу назначили одним из многочисленных помощников наркома Петра Николаевича. Тогда-то он и познакомился с Юрием Борисовичем Левитаном и майором СМЕРШа Геннадием Петровичем Кодинским.

Папа частенько ходил обедать в гостиницу «Москва», а Левитан там перманентно проживал и уже водил дружбу с Кодинским.

Несмотря на войну, с продуктами в Москве было терпимо и даже по карточкам вполне хватало пропитания для нормального и неголодного существования. А на черном рынке было вообще все. Даже французские духи – и это в те-то времена!

Все трое были примерно одногодки и сдружились на многие годы.

Вплоть до середины 1970-х годов и дядя Юра, и дядя Гена частенько бывали у нас в гостях, в нашей сокольнической двухкомнатной квартире.

Левитан работал на Центральном телевидении и радио почти до самой смерти, а дядя Гена трудился в «органах» даже после пенсии. Бывших чекистов не бывает, ага.

Иногда они втроем, уже в самом конце войны, махнув по 200–300 грамм «наркомовского» спирта на рыло, выходили на променады по улице Горького в сторону Кремля и обратно.

Времена, друзья, всегда одинаковые – шли познакомиться с барышнями или, как бы сказали сейчас, «снять телок».

Но комендантский час никто не отменял...

...И вот однажды останавливает их патруль городской комендатуры. За что? Да хуйня... Дядя Гена достал из кармана трофейный парабеллум и стал салютовать в воздух в честь освобождения очередного города, о чем накануне по радио прочитал Левитан.

Но Левитана в лицо никто не знал.

Кодинский достает из кармана ксиву СМЕРШа и говорит патрулю:

- Вы все арестованы!!!

Левитан, дабы усугубить, предъявляет потрепанную корочку Радиовещания СССР, где четко читается - Л Е В И Т А Н.

Майор начинает икать со страха, а ему заявляют, что он пытался напасть на товарища Левитана, который выполняет задание лично товарища Сталина. То есть разряжает в воздух при всем честном народе, вместе с друзьями, почти две обоймы парабеллума. И дядя Гена ведет весь патруль на Лубянку, где сдает их дежурному. Там быстро разобрались, патруль с мокрыми штанами отпустили в город. А веселой троице сказали «ай-ай-ай», погрозили пальцем и взяли автограф у дяди Юры.

Вот такие веселые были ребята. Часто, сидя у нас, вспоминали этот случай и по-мальчишески задорно смеялись.

Израиль и характеристика

Я продолжал учиться в школе, в «хорошисты» не вышел, был заскорузлым троечником, балбесом и тунеядцем.

В 1967 году на Ближнем Востоке случилась Шестидневная война, Израиль захватил Иерусалим и Голанские высоты.

А у нас работала училкой некая Демичева, сноха бывшего первого секретаря МГК КПСС и члена ЦК, будущего министра культуры СССР Петра Ниловича

Демичева. В те годы раз в неделю в классе проходила политинформация, и как раз Демичева поручила мне сделать доклад про «израильских агрессоров». Наслушавшись «вражьих голосов», я выдал охувевшим одноклассникам и цэковской сучке:

– Израиль порвал арабам жопы и хуй когда уйдет из Иерусалима.

Зря я это сделал! Да и не мог я тогда знать, что много лет спустя судьба забросит меня в Израиль.

Меня тут же отвели в кабинет директора, где уже сидела сама директриса и завуч Жопя Сергеевна с огромной жопой наперевес. Получил страшных пиздюлей, обещали исключить из школы и из пионеров одновременно. Особенно лютовала Сергеевна, которая своей необъятной жопой пыталась загнать меня в угол директорского кабинета, а там сожрать с потрохами.

И все допытывались:

– Кто тебя этому научил?

Папу вызвали в школу, и там он этот конфликт быстро погасил, а Демичева заклеила меня «махровым антисоветчиком» – вплоть до десятого класса.

Как раз перед окончанием школы ее назначили у нас классным руководителем. И она писала характеристику каждому для поступления в институт. Средний балл у меня был 3,0 – самый худший среди двух десятых классов. Одна четверка только на весь аттестат, по иронии судьбы по обществоведению, которое преподавала как раз Демичева. Пришлось подрулить к ней с шикарным букетом роз на выпускной вечер и рассказать, как я люблю партию и правительство.

Характеристику написала нормальную, и в вуз я один из всего класса поступил.

Но как поступил!

Сейчас расскажу...

Репетитор

В те времена поступить в институт без репетитора было практически невозможно.

Родители решили направить меня по папиным стопам и наняли бывшего доцента МИИТа, а ныне труженика репетиторского фронта, ударника «червонцев» и «четвертных», некоего уникального чела по имени Вадим Николаевич.

Его я запомнил на всю жизнь!

За полгода жесткого, как порно, репетиторства Вадим Николаевич вдолбил в наши мозги, засранные московским «Спартаком», сисястыми буфетчицами, портвейном, разбитными девками, «Дип Пеплом», «Лед Зеппелином» и прочими «Машинами времени», непреложные истины геометрии Лобачевского...

Эссе

Под «Лестницу в небо» Роберта Планта «моя рыдаль», причем перманентно.

В том же году, когда заканчивал десятый класс, мы с друзьями набрались наглости и прямо во дворе возле парка «Сокольники» построили настоящую «хибару» из дерева. Строили всем миром, по правилам строительной техники. Вечером после танцев приводили туда лимитчиц и драли как сидоровых коз – причем с особым цинизмом. Все это безобразие происходило под раздолбанный кассетник «Весна» и плантовскую «Лестницу в небо».

Но простояла «хибара» недолго – пришли менты с бульдозером и все снесли на хуй.

За нас заступились бабушки-старушки, что возле подъезда.

– Детишки фулюганють, но по-тихому, без фанатизма.

А участковый им говорит:

- Какие, в пизду, детишки? Там гондонов под лавкой больше, чем в аптеке!

Репетитор. Продолжение

...а также математики, основ высшей математики, физики, и - о Боже! - даже русского языка и литературы как сочинения на вступительном экзамене.

Гарантию поступления доцент давал 100 % и, как мы увидим в дальнейшем, не обманул.

Вместе со мной постигали азы и премудрости математики и физики такие же два долбака и придурка. Они мне напоминали знаменитых героев бессмертного романа Ильфа и Петрова: «Никеша и Владя были вполне созревшие недотепы».

Любимыми словами Вадима Николаевича были:

- Не волнуемся, смотрим по схеме.

К любым тригонометрическим функциям, уравнениям с тремя или двумя неизвестными у него был свой личный, специфический и индивидуальный подход. Он терпеливо, а главное, очень доходчиво разъяснял нам решение дебильных задачек про «из пункта А в пункт Б вышел поезд или пассажир», а когда он туда придет и придет ли вообще, хуй его маму знает.

Это же касалось мудреных задач по физике про сопротивление, напряжение, выделение энергии и прочей нудной и совершенно непонятной хуйни.

Короче, всего за шесть месяцев он сумел натаскать нас, что безуспешно пытались сделать учителя наших школ в течение долгих десяти лет. Именно натаскать, а не научить!

– Забудьте все то, чему вас учили в школе, – медленно вдалбливал в наши головы Вадим Николаевич.

«Не волнуемся, смотрим по схеме» – это оседало в наших мозгах, как «Отче наш».

Все его «схемы» в корне отличались от школьных, но позволяли щелкать физику и математику в пределах вступительных экзаменов в вуз, как орехи.

Плюс ко всему накануне экзаменов он достал нам пачку уже проверенных от ошибок фотошпаргалок сочинений на любые темы. И, призвав не волноваться и действовать по схеме, сказал, что одна из этих шпор обязательно будет темой сочинения.

И не ошибся.

Вид у самого Вадима Николаевича был довольно экстравагантный. Стрижен наголо (большая редкость по тем временам), на голове буддистская шапка, сандалии на босу ногу, парусиновые брюки. Эдакий Корейко начала 1970-х годов. Или диссидент, свободный художник, бард и менестрель своего времени.

Мало того, он сказал, как нам надо правильно сесть на вступительном экзамене по письменной математике – через ряд, чтобы получить три одинаковых варианта. Результат был ошеломительный! Мы все получили по пятерке. Вадим Николаевич предложил не волноваться и смотреть по схеме.

Наступил день устного экзамена по физике. Тут пришлось труднее, «схема» доцента дала непредвиденный сбой, и задачка попалась злобучая, как старушка. Пришлось очень сильно напрячь мозги, но решение пришло в последнюю секунду благодаря магическим, вы не поверите, «смотрим» и «по схеме».

Четверка!!!

«Никеша» и «Владя» также отдуплились по четыре балла.

Далее мы все трое благополучно «сдули» со шпор сочинения, не доглядев по одной запятой, и дружно получили по четверке.

Наступил решающий день.

Экзамен по устной математике. У недотеп дела были получше благодаря средним аттестатам на 4,0 балла. А у меня только 3,0.

А проходной балл был 21,0. Их устраивала четверка, а мне нужно было кровь из носу получать пятерку. Но я с блеском решил тригонометрическую задачу, обчислил логарифм и приговорил к смертной казни мудреное уравнение прямо у доски. Профессор только крякнул и спросил, что за схема и откуда я ее знаю, слегка прихуел, но вывел твердую пятерку.

«Ура, товарищи!» – как говаривал Левитан.

Я поступил на дневное отделение МИИТа – строительный факультет. Говорят, что когда об этом узнала седенькая математичка Мариванна, то она чуть не сошла с ума. Ебла она весь наш десятый «А» – мама не горюй, а я так вообще перебивался у нее с двойки на тройку. Рассказывали, что она бегала по учительской, прижав сухенькие ладошки к вискам, и раскачивалась, как лапсердачный еврей у синагоги. При этом Мариванна истошно причитала, пытаясь рвать седые волосы на отвисшей, как челюсть, жопе, и кричала:

– Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

А вот Вадим Николаевич светился от радости и не преминул срубить с моих предков, а также с родителей недотеп премиального бабла.

«Никеша» и «Владя» тоже набрали проходной балл и даже зарделись, точь-в-точь как в романе «12 стульев».

Его советы мнегодились по жизни – не волноваться, внимательно на все смотреть.

Только вот действовать по «схеме» не получается, жизнь – она штука сложная и ни в какие «схемы» не вписывается.

Даже у такого уникама, как Вадим Николаевич...

Больничка два

Незадолго до окончания школы я второй раз попал в больницу. Мне предстояло удалять гланды. Ангины так замучили, что в пятнадцать лет пришлось лечь в детскую больницу на операцию.

В огромной палате лежало человек 15–20 детишек. Шум и гвалт стоял страшный. Детки носились на головах и стояли на ушах, пыль вилась столбом. Вместе со мной в палате лежал переросток-второгодник Вадик, лет шестнадцати от роду. Ему предстояла такая же операция, и мы с ним договорились поддерживать друг друга – гасить малолеток, соблюдать тишину: знали уже, что после операции боль страшная и любой шум бьет по ушам, как молоток.

Первого прооперировали Вадика. Когда его привезли в палату, вид у него был бледный и синий.

Детишки пытались начать галдеть, но тут же получили от меня хороших бздян и приумолкли. После этого я в торжественной тишине зачитал малолеткам манифест «О тишине, правилах хорошего тона и охране спокойствия Вадика». Под страхом физического воздействия детки все поняли, и в палате водворились тишина и порядок.

Молоденькая – лет восемнадцати – и симпатичная медсестра Ольга пришла в палату и сильно удивилась: все безропотно мерили температуру и принимали таблетки. Ольга чуть задержалась у моей койки, а когда таблетка случайно упала, она нагнулась ее поднять, и я увидел, что она была без трусов. Аппетитная «пелотка» так зазывно поигрывала между двумя половинками не менее аппетитной задницы, что «шляпа» в момент задымила.

У меня уже был сексуальный опыт после пионерского лагеря, и я решил добиться Ольгиного расположения во что бы ни стало.

Тем временем Вадик быстро оклемался, и настал мой черед идти под нож хирурга. Приятель проводил меня почти до операционной и напутствовал словами:

- Не ссы, все будет хорошо.

Ага, во время операции – а она шла под местным наркозом – женщина-хирург задела мне вену прямо в горле, кровь хлынула, как из ведра. Тогда мне прямо в рот вставили огромный кохер – кровоостанавливающий зажим, названный так по имени его изобретателя, знаменитого хирурга Теодора Кохера. Об этом мне чуть позже, в перерывах между минутами любви, расскажет Ольга.

Но мы отвлеклись от операционной, дорогой читатель, а там докторша буквально кричит мне:

- Зажми зубами как можно плотнее и держи кохер до посинения.

При этом лицо у нее было сине-бледное, только потом до меня дошло, какому риску я подвергался.

Зажим зажал сосуд, а я держал во рту эту штуку еще полчаса, после чего вену зашили мне прямо в глотке, практически наживую – наркоз уже отошел. А новое обезболивающее мне почему-то не вкололи.

Операционная вся в крови, как в фильмах ужасов, но меня уже везут в палату. Там меня встречает Вадик, как рота почетного караула у Мавзолея Ленина.

Боль страшная – это отходняк, но в палате гробовая тишина. Все лежат по струнке и очень тихо шепчутся вполголоса. Между койками ходит мой товарищ и отвечает страшные оплеухи и подзатыльники тем, кто пытается

«колбаситься» или повесить голос.

Через пару дней я пошел на поправку, Вадика выписали, и тут закрутилась интрижка с Ольгой.

Сестричка дежурила ночью, а я пришел в ординаторскую и стал объясняться в любви. Ольга недолго сопротивлялась, и опять почему-то оказалась без трусов. Мы занимались любовью всю ночь, после этого гланды стали заживать значительно быстрее.

Она напросилась на ночное дежурство еще на одну ночь, но меня вскоре выписали.

Этот роман в больничке я еще долго вспоминал, но в школе все мои мысли занимала сисястая одноклассница с Преображенки – любительница минета и «лиц кавказской национальности», которые, благодаря ее пышным формам, вились вокруг нее, как мухи.

«Ты уже вытер задницу?»

Но куда же без футбола – вроде и роман не о нем, но игра в ножной мяч так плотно окружала мою школьную жизнь, что без нее никуда.

«Генерал уделял отхожим местам столько внимания, будто от них зависела победа Австро-Венгерской монархии.

– Ты уже вытер задницу? – спросил генерал-майор Швейка».

Ярослав Гашек, как всякий гениальный автор, заглянул в будущее.

В далекие 1970-е годы не то что поссать, но и посрать в «Луже» в перерыве матча было архисложно и архиважно. Немногочисленные кабинки для сранья были пожизненно заняты, и оттуда неслись нечленораздельные крики то ли о помощи, то ли о...

– Мужики, выручайте, меня сильно пронесло, а бумаги нет, – вдруг раздался вопль из крайней кабинки.

Народ шуганулся, а самый сердобольный отодрал наклейку от пива «Жигулевское» и сунул ее мужику через верх кабинки.

Героический поступок мужика имел непредсказуемые последствия. Многие во время справления малой нужды еще и умудрялись посасывать пиво из горла. Несколько десятков наклеек пива «Жигулевское» потянулось к кабинке безымянного мужика. А самый отчаянный отодрал кусок газеты, в которую была завернута вобла. Поступок по тем временам сверхгероический – руки вытирать было катастрофически нечем, не говоря уже о жопах.

Радости мужика не было границ, и нашей тоже.

«Спартак» в тот день выиграл, и долго еще «старички-боровички» отправляли мужика гадить «на фарт» в перерыве матчей, категорически оставляя его без подтиралова.

В Германии с туалетной бумагой получше. Не только на матчах второй Бундеслиги, но и на играх четвертой региональной лиги есть замечательные сортиры: мраморные, с огромными зеркалами и люстрами современными, галогенными. Смотришь в такое зеркало и сам себе льстишь, кажется, что твоя мотня больше, чем у легендарного «мужика с огромным хуем наперевес».

Гадишь – как отдыхаешь на пляже где-нибудь на острове Мальорка. Теплый воздух поддувает прямо в очковое. А бумага – жопу вытирать – только что не с водяными знаками. Не говоря уже о випах-хуипах там же.

Пиво бочковое такое свежее, что монета в одно евро легко лежит на пене.

Представил матчи нашей третьей лиги – стадион «Торпедо», например. Миллиардер Мамут выходит поссать в перерыве – прямо возле углового флажка,

стыдливо прикрыв елду ладошкой.

«Это наша Родина, сынок».

Доронина

Когда после матча с хохлами меня в очередной раз забрали в мусарню, то предъявили хулиганку:

– Лобановский, Лобановский – пососи наш хуй московский!

– Раз, два, три, четыре, пять – всех легавых в рот ебать!

Вместе со мной приняли мужика, у которого я сидел на загровке и оттуда это скандировал, а многотысячная толпа подхватывала, особенно сильным был резонанс в туннеле по пути к метро «Спортивная».

Мужик дал рядовому «пятерку», и тот разрешил позвонить. И вот...

Через некоторое время в мусорской обезьянник, прямо внутри станции метро «Спортивная», приезжает... кумир Родины, народная артистка СССР, будущий руководитель «нового» МХАТа, красавица и великая артистка Татьяна Васильевна Доронина.

Это оказался ее очень близкий родственник, а ее диалог с мусорским начальником слышали все, помещение было маленькое.

– Ты че, меня не узнал? – орет Доронина и сует мусору в лицо ксиву депутата Верховного Совета СССР.

Мусор в шоке и, заикаясь, говорит:

– Так они... – и тычет в нас пальцем, – предлагали трахать милицию и сосать член тренерам...

Татьяна Васильевна чарует его своей знаменитой улыбкой и с неподражаемым, свойственным только ей придыханием орет на всю мусорскую:

- Да пусть сосет хуй этот твой Лобановский всю жизнь, а вас, пидарасов-ментов, давно пора всех в жопу ебать, охуели тут совсем!!!

И тыча мусорку своей красивой, изящной, наманикюренной ручкой в погон, уже чуть тише добавляет:

- Завтра ты у меня вообще рядовым будешь, честь возле сортира отдавать.

После этого нас с мужиком отпускают, и на своей шикарной иномарке Доронина подвозит меня прямо до дома.

Когда работал на «Мосфильме», доводилось встречать Татьяну Васильевну на студии. Меня она, конечно, не узнала, звезда была тогда - о-го-го!

Доронина курила «Беломор», очень громко ругалась матом и ходила в дубленке до пят, красоты невероятной. Хотя и сама царица была еще та.

Но это уже абсолютно другая история и имеет прямое отношение к моей работе на киностудии «Мосфильм».

«Мосфильм»

В МИИТе я проучился недолго – до первой сессии. Все эти мудреные начертательные геометрии, сопроматы, геодезии и картографии мне не давались вообще, как ни старался. А старался я не очень.

Плюс ко всему многие предметы вели авторы учебников, по которым мы и учились на строительном факультете Института инженеров железнодорожного транспорта.

Сдав в первой сессии лишь один экзамен, я забрал документы. И пошел работать грузчиком на киностудию «Мосфильм». Официально наша профессия называлась «комплектовщик третьего разряда монтажного цеха». А фактически мы носили коробки с пленкой целыми днями.

Вместе со мной работали два таких же одолбня, которые мечтали о ВГИКе и ГИТИСе, и так же, как я, целыми днями шлялись по студии. Также нашу бригаду дополняли три алкоголички лет под шестьдесят – Дуська, Нюрка и Сонька.

Пить они начинали с утра, а заканчивали вечером. Делать ничего не хотели и постоянно стучали на нас начальнику монтажного цеха.

Один мой коллега имел характерную фамилию Коршун и позже поступил-таки в ГИТИС. О нем надо рассказать подробнее – уникальный типаж.

Другой был сынком большого начальника из Госкино, наглый и отмороженный тип, основной целью которого было выебать кого-нибудь из молоденьких актрис. Иногда ему это удавалось.

Круглые железные коробки переносились из одного цеха в другой, внутри цеха, к монтажным столам и обратно, из павильона в павильон и еще хуй его знает куда. Коробки были тяжелые и большие, нам это быстро настопиздело и мы старались зарыться в какой-нибудь маленький просмотровый зал. Там днями и ночами гоняли фильмы всех времен и народов.

В то время еще не культовый режиссер Соловьев снимал свой первый фильм «Сто дней после детства». С бесподобной Татьяной Друбич в главной роли. По сюжету фильма там было много пионервожатых а ля набоковская Лолита и одна буфетчица с большими сиськами наперевес. Злые языки говорили, что коротышка Соловьев, помимо Друбич, которая вскоре стала его женой, драл со страшным цинизмом, прямо на студии и почти не стесняясь, и буфетчицу, и пионервожатых набоковского возраста.

В общем и целом блядство на студии процветало в полный рост.

Немудрено. Возле главной проходной всегда стояла толпа фанаток артистов и артисток.

Частенько на своей иномарке сюда заезжал Владимир Высоцкий. Толпа пыталась оторвать что-нибудь на память, но Поэт, проявив сноровку и скорость, выскакивал из объятий фанатизма.

А вот мой коллега Коршун, в отличие от Высоцкого, успевал проявлять еще и чудеса медицины и психопатии. Когда его забрали в армию, он там недолго задержался. Всего полгода, где-то так. Талантливый Коршун изобразил сумасшедшего, причем очень оригинально. Он рассказывал врачам и психиатрам, что голос Прометея зовет его за огнем.

– Вставай, иди и дай людям огонь, – говорил Прометей, а Коршун бегал по ночам в казарме с зажженным факелом, неся огонь людям. И сколько его ни пиздили «деды», стоял на своем.

В конце концов, заебавшись слушать его рассказы, а может, из-за банального страха, что в один прекрасный день он сожжет всю казарму к ебеней матери, Коршуна комиссовали.

Я к тому времени тоже отдал долг Родине и встретил Коршуна и его жену Галину с большой радостью. На встречу я пришел не один, со мной была сисястая одноклассница. К двадцати годам она расцвела, как бутон гвоздики. Сексуальность так и перла из всех возможных и даже невозможных частей ее тела.

Без прелюдий, не требуя у мира аннексий и контрибуций, Коршун предложил заняться групповым сексом. Дело молодое, да и одноклассница не возражала – Коршун был наглый и развязный, такие бабам нравятся. А я-то как был за! Галина мне приглянулась, эдакий тип развратной отличницы в очках, склонной к многочисленным оргазмам.

Но самое главное, что на мой вопрос: «Ведь она твоя жена. Не жалко ее?» – Коршун ответил:

– А чего ее жалеть!

Но вернемся на студию.

Возле столовой находился большой зал, где в обеденный перерыв мы упоительно резались в настольный теннис. Двое на двое. Коршун – артист Сеня Морозов. Автор – режиссер и будущий муж Пугачевой Саша Стефанович. Стефанович тогда снимал свой первый фильм «Дорогой мальчик», за кадром пели «Водограй» под музыку Тухманова. Морозов уже был знаменит и популярен.

Мы это называли «тэйбл пэнис», матчи проходили с переменным успехом. Очень много времени проводили в главном просмотровом зале, где киномехаником работал Миша Гусманов. Любого молодого человека Миша спрашивал:

– Алкоголь употребляешь? С девушками встречаешься?

Если получал отрицательный ответ, то удивленно пожимал плечами и говорил:

– Что за странный человек такой?

От него я впервые услышал культовое выражение «творческая пиздобратия» – так Гусманов величал всех, кто имел отношение к миру киноискусства.

Оно – выражение – мне очень понравилось. Как и другие вопросы-ответы Гусманова.

Но синекура наша продолжалась недолго, в один из тревожных понедельников нас вызвал «на ковер» начальник монтажного цеха и предложил написать «по собственному желанию».

Сейчас я его понимаю – мы практически не работали, а околачивали хуем груши.

Так рухнула юношеская мечта о кинематографе, артистах и прочей «творческой пиздобратии».

Танцы

До призыва в армию оставалось несколько месяцев, почти все лето мы проводили на танцверанде парка «Сокольники».

Танцплощадка была огорожена очень и очень высоким забором, который мы тем не менее успешно преодолевали, демонстрируя чудеса эквилибристики и начальных навыков циркового искусства. Частенько внизу нас уже ждали дружинники-комсомольцы или менты и выдворяли назад.

Платить за билет мы категорически не хотели. Справедливо полагая, что эти деньги лучше потратить на портвейн в винном на углу улицы Короленко.

Иногда на танцы приходил местный «качок» (они тогда только-только начинали оборудовать свои качалки) и, взяв в руки небольшой ломик, гнул решетку на танцевальной веранде до проходимых размеров.

Петя Прямоугольный – так его звали – радостно улыбался и говорил:

– А я чего, я ничего...

На пару недель проход на танцы был обеспечен, только через пару недель дырку заваривали, Прямоугольный опять ее гнул – и так до бесконечности.

На танцах было весело. Весь криминальный элемент парка «Сокольники» лихо отплясывал там, наполняя окрестности ядовитыми испарениями портвейна, а иногда даже водки. Лютые драки, поножовщина – все эти неперенные атрибуты сопровождали танцы-шманцы.

Мы старались побыстрее «снять» каких-нибудь лимитчиц – преобладающий контингент женской половины – и вели их драть в «хибару» или просто на лавочку в парке.

Что такое СПИД, тогда еще не знали, а вот про другие болезни были наслышаны – поэтому под любой лавочкой использованных гондонов было не меньше, чем после ночной смены в «бардачевиче» средней руки.

Также промышляли игрой в карты. Играли во дворе одной из хрущевок на Егерской улице. Преимущественно в «секу», с «шахой» шестерка треф. До

десяти человек за столом, сдавалась вся колода. Проход по копеечке, двадцать копеек «потолок». Часто играли «в темную», были «свары», на кону вертелось до десяти рублей. Нас было трое, играли мы, естественно, на «одну руку», используя различные «маяки». Если удавалось выиграть, то тут же уходили – прямо в полукриминальный ресторан «Прага» в центре парка «Сокольники».

Там играла музыка, было чешское пиво, огромные и красные очень вкусные раки.

Трешки и пятерки шуршали в карманах, глаза и щеки горели от спиртного разогреву, девчонки вокруг все были наши.

Думали, что так будет всегда. Ага.

Осенью нас всех забрали в армию.

На проводах ребята напутствовали меня, как родного, а моя тогдашняя девица Светлана хотела остаться ночевать. Но мама не поленилась вызвать ей такси и даже заплатить. И была права: Света оказалась латентной лесбиянкой и полигамной девушкой. Когда я вернулся из армии, у нее уже был второй муж и вид затертой до дыр биксы.

Армейские котлеты

На городском сборном пункте было весело. У всех было «с собой», усугубляли.

Спать уложили прямо на полу в физкультурном зале. По команде «ложись!» несколько сотен новобранцев улеглись в ряд боком друг к другу прямо на полу.

Начало службы, начало двухлетнего пребывания в рядах Советской армии.

Присягу принимал в учебке. В полку праздник. Но после присяги тут же в наряд на кухню. А там!..

В честь праздника присяги повара-дембеля, «земели» с Москвы, жарят свиные котлеты. Они тоже болеют за «Спартак», а один даже с Преображенки – почти Сокольники. Немереный противень переполнен котлетами, как бардак лярвами. Огромные, величиной с подошву кирзача. Они шипят и шкворчат на сковородке, испуская прозрачно-коричневое жидкое сальцо. Подпрыгивают и глумятся сочным мясом. Горячие брызги постреливают прямо в наши голодные и худосочные щщи. Слюна падает вниз «стремительным домкратом».

Наконец шеф-повар снимает самую прожаренную и огромную котлету и с черпаком наперевес ласково говорит, обращаясь ко мне:

– Жри, салабон, и помни главную заповедь бойца – подальше от начальства, поближе к кухне.

Это я четко запомнил, а вечером «земели» налили портвешку прямо из чайника для компота. Два стакана залились, как во сне – день присяги удался!

На 23 Февраля опять наряд на кухню, кухня-то огромная, но повезло – поставили мыть чугунные сковородки. Худой, как велосипед, и вечно голодный курсант серо-бумажного цвета бочком терся к плите, помня главную армейскую мантру про начальство и кухню.

Опять праздник, опять котлеты. Поджаристая корочка манит, как медсестра в халате на две пуговики. «Дедушки»-москвичи снова угостили котлеткой. На десерт был портвейн из пузатого чайника с носиком, как хобот. Сажу на табуреточке с блаженной улыбкой олигофрена, полукемарю.

– Земеля! – орет прямо в ухо дембель. – Ты за кого болеешь?

– За «Спартак».

На? еще стакан и котлетку!..

...Хуяк, «и ты уже на небесах», а ведь культовый фильм Говорухина тогда еще не вышел.

Следующий раз пожрал от пуза только на майские праздники.

Стокилометровый марш

Настал день экзамена в учебке.

Наша рота отправилась на вождение стокилометрового марша.

Сдал экзамен – и ты получаешь удостоверение «механик-водитель третьего класса». А дальше направление в линейную часть.

Сажусь в Т-64, пристегиваю тангенту.

– Зема, ты че, ахуел?

Это ласково орет сержант-инструктор, который сидит на месте командира танка. Значит, надо с ходу добавить обороты.

– Обороты, курсант, обороты, еб твою мать!

Почти сразу врубаю седьмую передачу, и машина весом почти в сорок тонн летит, как подорванная.

Ну как летит...

Представляете – скорость 50 км/ч. Клиренс провисает, как клитор. Трансмиссия гудит в ушах, аки «Марш славянки». Гироскоп выписывает кренделя, что твой пьяный камыш.

Поскольку механик-водитель я был хуевый, то деревья толщиной с хорошее корабельное бревно отскакивали направо и налево. Таким образом я расширял танковую полосу и наносил непоправимый вред лесному хозяйству СССР.

Попытался переключиться на пятую передачу хотя бы – и тут же услышал истошный вопль сержанта.

Короче, сбив еще хуеву тучу деревьев, доехал до финиша. Выхожу из люка (а водили «по-боевому») – вся жопа в мыле. Смотрю, ротный принимает доклад у сержантов-инструкторов. Ну, думаю, пиздец, не сдал...

Оказывается, если сбил не более 10 деревьев, тех, что возле трассы, – то сдал. Сержант-то, сука, сидел на командирском месте «по-походному» и скрупулезно подсчитывал лиственные и хвойные стволы, сбитые нерадивым курсантом.

– Товарищ рядовой! Вы сбили только десять деревьев на максимальной скорости – поэтому Вы сдали экзамен.

Ротный торжественно вручает мне синий значок с золотой цифрой «три» и ксиву механика-водителя.

Сержант берет меня на отвод:

– С тебя бутылка портвейна – ты сбил одиннадцать, а ротного я тупо обманул.

И подмигивает мне совершенно наглым образом.

Вечером сбегал в самоход и купил сержанту бутылочку портвешка. Смотрю – он альбом дембельский клеит. А на обложке ромб красно-белый вытиснен, как из железа. Ни хуя себе, ведь он из Киева, и фамилия соответствующая: Колодяжный.

– Вы за «Спартак» болеете, товарищ сержант?

– Ты че, охуел? Давай пузырь! Просто альбом достал по случаю, на халяву, ага... А эмблему не скovyрнешь, иначе обложка подпортится.

И любовно гладит альбом и бутылку.

«Губа» один

Довелось мне, когда попал в действующую часть, чалиться на рижской гарнизонной гауптвахте.

Самое страшное было, когда в караул заступали моряки. Двухметроворостые жлобы «годки» и «подгодки» устраивали нам игру. Называлась она «море».

В огромный коридор между камерами выливалось невероятное количество воды, прямо на пол. С одной стороны коридора прямо на бетон клали 11 человек и с другой тоже. В центре бросали мяч. До него надо было ползти на брюхе прямо в воде. Мяч передавался игрокам своей команды, как угодно, но тоже на брюхе. Кто первый доползал, тот и хватал мяч. Играть можно было любой частью тела, но все только ползком. Победитель должен был попасть мячом в противоположную стену.

Морячки же вместо мяча пинали нас ногами, подгоняли сильными ударами прямо в голову и по почкам. А еще любой, попытавшийся приподняться, получал от морячка с носка удар по лицу, прямо в нос.

После таких игр можно было угодить на кладбище. Один молодой узбек «зажмурился» прямо в медсанбате. Вот такой был футбол.

С тех пор я не люблю моряков...

«Губа» два

Но не всегда печально на «губе». Уже перед самым дембелем ротный дал мне 10 суток за самоход.

И отправился я в Черняховск. Там всем заправлял писарь, старшина по званию и как раз с моего призыва. Он был приписан к дисбату в Перми, но по армейскому бардаку был формальным и не формальным начальником гарнизонной гауптвахты. Начальники караулов старались с ним не связываться, и он вершил свой личный прибалтийский суд.

Звали его Арвидас, и жил он в отдельной, со всеми удобствами оборудованной камере. Два мягких матраса, домашняя пуховая подушка, радиоприемник ВЭФ, кассетник «Весна». Фотографии артисток во всех позах были развешаны по стенкам камеры, как в Эрмитаже. Ходил писарь в «хромачах» и офицерской полушерстяной форме.

Сдружились мы с ним крепко, и я получал наряды на работу в самые блатные места.

Водочный комбинат. Да!!!

Нас поставили разгружать вагоны с солью и сахарным песком. Оказывается, эти компоненты используются при производстве водки. Пока мы работали, сердобольные работяги влили в нас столько водяры, что обратно караул нас принес практически на руках. Идти самостоятельно никто не хотел, да и не смог бы при всем желании. Наутро, при обходе камер, очередной начальник караула добавил мне очередные пять суток за «неуставной вид».

Арвидас сказал, что это хорошо... и послал меня утром подметать улицу возле булочной-пекарни. Обрато я вернулся с полным пузом булок и бубликов, да еще и ребятам прихватил – галифе свисало, как хобот у слона.

Писарь не унимался и в обед послал меня «баландером» за супом и кашей. Еду брали в ближайшей воинской части, наполняли зеленые бочки и армейские рюкзаки. А со времен Суворова Александра Васильевича в армии изменения произошли небольшие. «Щи да каша – пища наша».

Еще писарь договорился с конвойными, и я сгонял в магазин за портвейном, который спрятал в бочки с супом. Обед был на славу! Наваристый супец с мослами, каша-кирзуха с комбижиром, компот из сухофруктов.

Наконец – десерт по-гауптвахтовски. Свежая выпечка – прямо из пекарни – и две огромные «бомбы» крепленого вина «Солнцедар».

Но это не все, дорогой читатель.

Поздним вечером того же дня писарь совершил марш-бросок по маршруту «губа»– город – «губа», откуда вернулся не один. Вместе с ним были две очаровательные биксы, тоже из Литвы. Ночь мы провели в камере у писаря, вдаваясь во все тяжкие и не тяжкие сексуального разврата.

Жизнь текла, как в санатории, я получал дополнительные сутки за дополнительными сутками – так прошел месяц.

Наконец меня забрали в часть, а ротный сказал:

– На «губе» вам слишком хорошо живется, товарищ рядовой, – и обещал устроить «веселую» жизнь вплоть до дембеля.

Немудрено, ведь за месяц ареста я набрал пять кило лишнего веса, а рожа лоснилась, как у ротного кота Васьки.

Перед самым дембелем пришлось идти к ротному на поклон, просить характеристику для поступления на рабфак Плехановского института. Характеристика была что надо. «Физически развит удовлетворительно.

Политику партии и правительства понимает верно».

Ехал домой в поезде как раз на ноябрьские праздники, все деньги отдал за билет, поэтому не мог элементарно пожрать. Но такие же, как я, дембеля не дали умереть голодной смертью. Вместо еды в меня влили такое количество портвейна и водки, что, когда состав прибыл на Белорусский вокзал, идти я попросту не мог. Ноги банально отказали, и пришлось брать носильщика, который на тележке отвез меня в медпункт. Там добрая докторша сделала мне укол кордиамина прямо в вену и вызвала такси.

Домой я прибыл бледным, как смерть, и шатался, как камыш из народной песни. Проспал почти сутки и лишь потом встал на учет в военкомат.

Петр Петрович

Занятия на рабфаке Плехановского института уже начались, но папе удалось договориться, и меня зачислили на нулевой курс дневного отделения «Плешки». Выдали студенческий билет, назначили стипендию. И стал я готовиться к выпускным – они же вступительные экзамены. Достаточно было сдать даже на тройки – и ты уже студент первого курса.

Контингент рабфаковцев был очень интересный. Почти все кандидаты или члены партии, ударники производства, отличники боевой и политической подготовки. На этом фоне мое худосочное лицо некоренной национальности резко выделялось среди бравых работяг и демобилизованных из погранвойск старшин и сержантов. Моя же запись в военном билете была проста и лаконична – гвардии рядовой. Зато преподаватели попались душевные, просто герои своего времени.

Математику вел доцент Петр Петрович.

Основным коньком его преподавания была тощая, как туберкулез, книжечка. Напечатана она была полукустарным способом и называлась «Основы алгебры и математики для вступительных экзаменов в вуз». Петр Петрович раздал ее всем рабфаковцам и велел выучить наизусть. Отдаленно всем своим видом он

напоминал Антона Павловича Чехова. Бородка, пенсне, картуз – выглядел он старорежимно, очень любил длинные и поучительные речи, называя нас вольнослушателями и будущими строителями экономики развитого общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/merkin_andrey/zapiski-lesnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)